ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ XIX СЪЕЗДА ПАРТИИ!

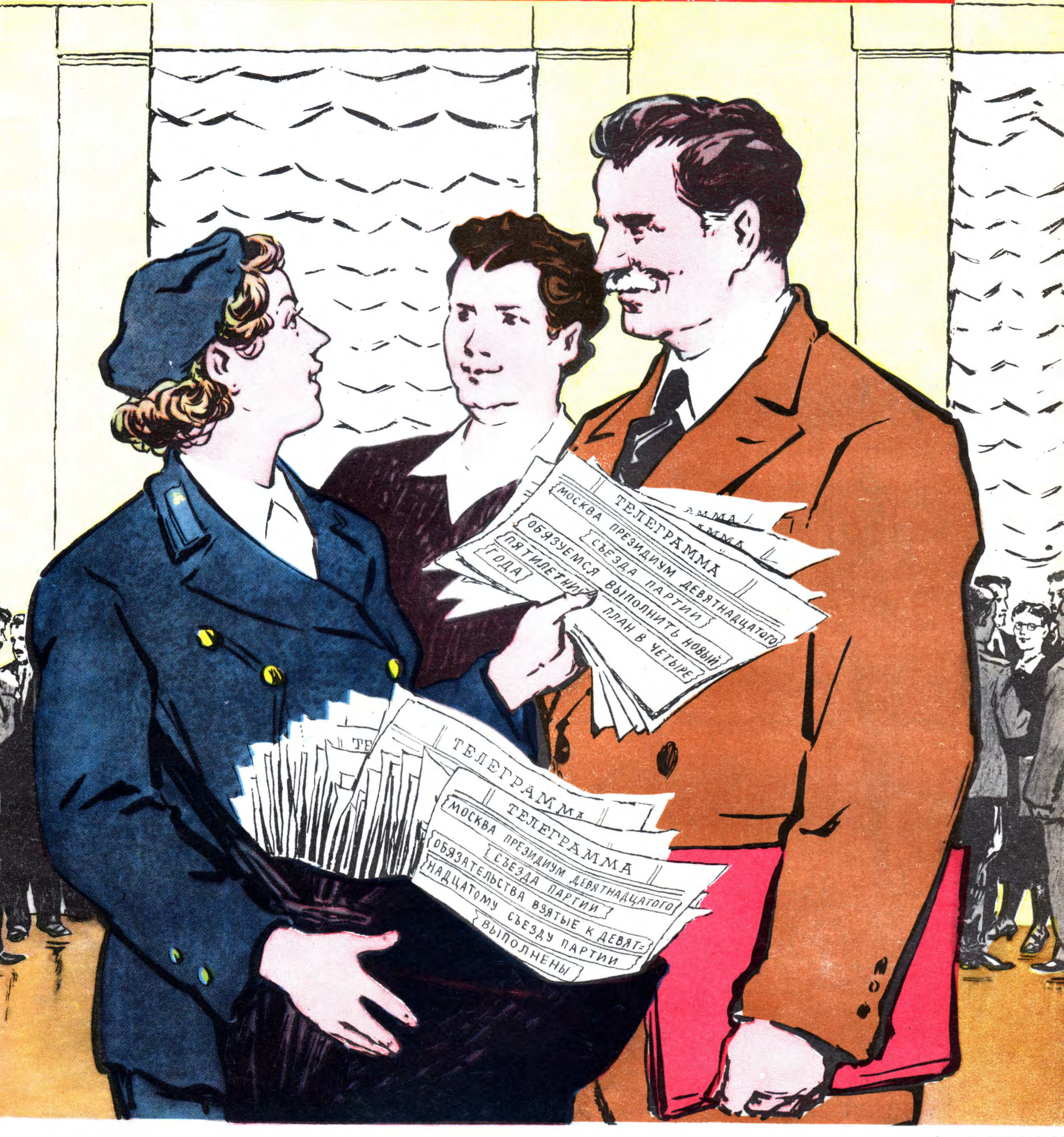

Рис. В. КОНОВАЛОВА

Реплики с мест.

КРОКОДИЛ

№ 28 (1318) МОСКВА 10 ОКТЯБРЯ 1952

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
ГОД ИЗДАНИЯ XXXI

ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

РЕПЛИКА С ГРАНИЦЫ

Рис. Г. ВАЛЬКА

Г. В. 52

— Могу заверить, что любая попытка помешать советскому народу выполнить решения съезда будет встречена в штыки. На том стою!

ГРИГОРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НА ТРИБУНЕ

(О РЕЧАХ ОДНОГО РУКОВОДЯЩЕГО ТОВАРИЩА, ПРОИЗНЕСЁННЫХ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ НА РАЗНЫХ ЗАСЕДАНИЯХ, СОВЕЩАНИЯХ, СОБРАНИЯХ)

Григорий Алексеевич любит произносить речи. Он говорит. Упоённо, вдохновенно говорит. Порой возвышает голос (критика низов), а то вдруг отвернётся от микрофона, и не расслышишь, что он такое разъясняет ответственному товарищу, сидящему в президиуме.

Ниже приводим слова Григория Алексеевича, записанные почти со стенографической точностью:

«Останавливаясь на вопросе благоустройства, то надо облагораживать внешний вид города». «В вопросе канализации категорически требую водопроводы копать и честно закапывать». «Переходя к капремонту, то надо определённо заявить, неблагополучно здесь. Нажмём». «В вопросе бытового обслуживания много недостатков. Негде пошить костюм и рубашку, а у нас ещё много спросов». «Решают кадры, но они порой такую демагогию заведут, что просто заслушаешься»...

На пятнадцатой минуте его речи раздаётся стук карандаша о графин. Но Григорий Алексеевич не унимается: «Пару слов о торговле... Одно слово о городском транспорте... И последнее: мы принимаем критику за должное, совершенно правильно нас критикуют. Соответствующие выводы сделаем».

— Аминь! — произнёс сидевший рядом со мной делегат городской партийной конференции. — Заслушаешься. Эти заключительные слова я уже где-то слышал. Давайте вспомним!

В августе нынешнего года на сессии городского Совета слушался отчёт горисполкома. Докладчик Григорий Алексеевич заявил: «Правильно нас здесь критиковали. Принимаем за должное и меры принимаем».

Летом на ответственном собрании он снова повторил: «Что касается критики наших недостатков, то я признаю её правильной. Исправим положение. Устраним».

И ещё раньше, весной... Да что вспоминать! Весной и зимой, в прошлом и позапрошлом годах горожане много раз слыхали, точно в штамповочном цехе изготовленные, слова председателя горисполкома Григория Алексеевича Багрия: «Нас правильно критикуют. Признаём, меры принимаем».

По сему поводу скептически настроенные избиратели говорят словами одного сатирика: «Конечно, речь твоя приятна и мила, но силы речи придают дела!»

Вот в связи с таким настроением горожан и остановимся на делах. Пройдёмся по городу.

Главная улица. Здесь внешне благополучно, кое-что «облагораживается»: газетные витрины не так облуплены, светофоры чуть покрашены, рытвин почти нет, дворника с метлой иногда увидишь. Если ещё принять во внимание, что на этой улице живут руководящие товарищи, то кап- и текремонт жилфонда блестящ: в сильный дождь уж не надо подвязывать ведро к потолку.

Удивляться тут нечему. Таков уж обычай в горжилуправлениях и ремстройконторах. Куда в первую очередь олифу, белила и прочий ремонтный материал? Туда, откуда раздался телефонный звонок. Заявления же... заявления полежат.

Но отклонимся от центра.

Улица Козицкого. Была улица как улица, а лишь отремонтировали, — и пешеходам один путь: по мостовой.

Улица Свердлова. Что ни шаг, то ухаб, что ни взгляд, то дыра в капремонтной точке.

Дальше, дальше от центра! Пятничанская, Заводская, Малиновского, Привокзальная... Переулки и закоулки... Ох, и сколько о них говорилось! Это к ним относятся цифры: 493 тысячи квадратных метров незамощённых и 100 километров неосвещённых улиц.

Территория Мясокомбината. По его адресу в своё время Григорием Алексеевичем было сказано: «В части загрязнения реки Мясокомбинатом меры принимаются. Создана комиссия». Но и поныне грязные отходы Мясокомбината мутят прозрачные воды Буга.

Остаётся ещё исследовать речь Григория Алексеевича на областной партийной конференции.

Вновь берём в кавычки сложные предложения Григория Алексеевича: «В части освещения, мощения возлагаю ответственность на министра коммунального хозяйства УССР». «Строительством канализации должны заняться проектные организации». «Перед министром мясной и молочной промышленности УССР поставлен вопрос о загрязнении реки Мясокомбинатом». «В вопросе капремонта вопрос поставлен...»

Сидевший рядом со мной делегат конференции не выдержал и громко произнёс:

— Що він меле? А что горисполком думает делать в новой пятилетке?

Возглас делегата не был услышан Григорием Алексеевичем. Он говорил и говорил...

Ждём его очередной речи. Интересно, по каким тезисам заведёт — по старым или по новым?

Б. ЛОБАНОВ

г. Винница.

ХОЗЯЕВА СВОЕГО СЛОВА

Рис. В. ДОБРОВОЛЬСКОГО

— Мы привыкли укладываться точно в сроки! Сказано, пятилетка, — значит, выполним в четыре года, а то и раньше!

В. ГРАНОВ

Шкатулка для ниток

Явилась мамаша к директору школы,
В директорской комнате стала шуметь.
Слова, вылетая, жужжали, как пчёлы,
Которых в лесу растревожил медведь:

«Товарищ директор! Мне тяжко до боли,
Как будто мне врезалась в сердце пила.
Вы только представьте себе: из-за Коли
Я дважды вчера валерьянку пила!

Прошу вас признать справедливости ради:
Меня этот случай морально убил.
По-вашему, педагогично, что дяде
За ужином Коля вчера нагрубил?

Не только лишь дяде — родному папаше
Сынок надерзил. Мальчуган грубоват!..
Ну что ж! Таково воспитание ваше!
В нём виден какой-то особый уклад...

Родители вашей системе не рады,
Плохих вы готовите нам сыновей!
У вас в педагогике странные взгляды,
Куда вы там смотрите, в школе своей?»

И дама, прослывшая шумной и прыткой,
Директора взглядом пронзила насквозь.

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

И яд в этом взгляде имелся в избытке,
Немало сарказма у дамы нашлось.

Директор ответил: «Печальнейший случай!
И школа совместно с семьёю скорбит:
Ведёт себя Коля и в школе не лучше:
Елене Петровне нередко грубит.

Вам знать интересно: не наша вина ли,
Что Коля идёт по дурному пути?
Мы вас для беседы не раз приглашали,
Но вы к нам, увы, не желали придти...»

Вдруг дама, прослывшая шумной и прыткой,
Язык прикусила: ей вспомнились дни,
Когда приходили из школы открытки,—
В шкатулку для ниток летели они.

* * *

Известна судьба этих школьных открыток:
В шкатулке хранились они не прочитаны.
...Должно быть, виновна шкатулка для ниток,
Что Коля у мамы такой невоспитанный!

В. КУКАНОВ

Иллюстрации Е. ЩЕГЛОВА

Живой пример

Странная пора — сентябрь. С утра ярко светит солнце, но в воздухе уже разлита холодная дымка — без пальто не выйдешь. Меж зелёных лип и берёз, ещё не тронутых осенью, нет-нет, да и мелькнёт молодая осинка, будто охваченная пламенем.

«Люблю я пышное природы увяданье!» — мысленно декламирует инструктор райкома Касаткин, глядя в окно на улицу. По его широкому, добродушному лицу бродит безмятежная улыбка.

— Ты, кажется, в мечты ударился? — слышит он вдруг насмешливый вопрос заведующего промышленным отделом Ивана Ермиловича Бурова.

— Ах, да! — спохватывается Касаткин. — Загляделся малость... Уж очень красивые осинки в городском саду! Пушкин на язык просится.

— Ишь ты, осинки-рябинки! — не без ехидства качает головой Иван Ермилович. — Нашёл время пейзажами любоваться! Думай-ка насчёт примеров. Пушкин за нас думать не будет.

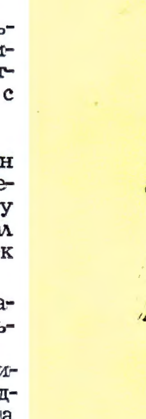
— Сейчас, сейчас, дайте только мозгами пошевелить, — примирительно говорит Касаткин. — Так, значит, примеры с завода «Луч»?

— Ещё разок переспроси!

...Четверть часа назад Иван Ермилович вернулся от секретаря райкома. Зайдя в комнату к Касаткину, он бросил на стол справку, подготовленную ими к очередному заседанию бюро.

— Порви — и в корзину, — сказал он не то шутя, не то серьёзно. — Секретарь забраковал.

Касаткин в это время собирал по телефону какие-то сводки с заводов. Он уставился на Ивана Ермиловича немигающими глазами и долго не мог уложить трубку на развилку аппарата.

— Как «порви»? Почему «забраковал»? — наконец спросил он в крайнем недоумении.

— Речь пойдёт о скоростниках, а у вас в справке, — говорит, — цифра на цифре, цифрой погоняет — хоть бы один живой пример был!

— Ах, примеров нет! — отлегло от сердца у Касаткина. — Ну, это дело легко поправимое...

Теперь оба сидят с наморщенными лбами, выискивают в памяти золотые крупинки «живых примеров». Пока ни тому, ни другому не удалось натолкнуться на золотоносную жилу.

Заглядевшись в окно на осинки, Касаткин стихи вспоминает, а «пример», как на грех, ни один не даётся.

— На языке вертится, а сразу и не скажешь, — нетерпеливо щёлкает пальцами Касаткин.

Несколько томительных минут раздаются только его невразумительные междометия да торопливо постукивают настольные часы. Даже в их безобидном «тик-так», «так-так» Касаткину слышится укоризна: «Так-так, вот тебе и «легко поправимое дело»!»

— Что за дьявольщина! — наконец не выдерживает он. — Будто ветром продуло голову, ни одной фамилии не вспомню!

Иван Ермилович пропускает через сноп солнечных лучей торопливую струйку дыма и сердито придавливает в пепельнице недокуренную папиросу.

— Что же это ты, товарищ инструктор, на заводе не бывал, а?

— Почему это «не бывал»? — обиженно отзывается Касаткин.

— А если бывал, как же никого из стахановцев не запомнил? Память дырявая?

«У вас не дырявая...» — недовольно думает Касаткин. Он порывается что-то сказать, но Иван Ермилович опережает:

— Э-э, не оправдывайся! Три четверти времени надо на заводах проводить, а нас багром не вытянешь из кабинета! Конференция придёт, достанется нам на орехи!

— «Три четверти»! — скептически тянет Касаткин. — А сводки? Их когда собирать?

— Прежде всего живые люди, а потом уж сводки. Понял? То-то! Собирайся-ка, едем на «Луч». Едем, едем, хватит киснуть за столом! На заводе примеры, а не здесь!

— Сейчас ехать? — пугается Касаткин.

— Нет, недельку прособираемся!

— А сводку отставить?

— Заладил: «сводка», «сводка». Разве сегодня срок?

— В том-то и дело! С утра телефон обрываю.

Это непредвиденное Иваном Ермиловичем обстоятельство сразу охлаждает его пыл.

— М-да! — в раздумье произносит он. — От сводки не уйдёшь... Тьфу, чтоб тебя намочило! Одно к одному! А как же быть с примерами?

— Постойте, Иван Ермилович, зря головы ломаем! У нас же справок — железный шкаф ломится!

Не дожидаясь ответа, Касаткин открывает шкаф и вытягивает пухлую, как подушка, папку.

— Не то... не то, — бормочет он, перебирая бумаги. — «Количество станков...», «Колич...» Где же тут о самих скоростниках говорится: всё количество да количество?.. Вы к кому?

Последний вопрос Касаткин задаёт посетителю, молодому человеку в синем плаще, который, опасаясь, что попал не вовремя, в нерешительности останавливается у самой двери.

— Я хотел с инструктором потолковать по одному вопросу, — отвечает посетитель, глядя то на одного, то на другого.

— Хм! А я как раз очень занят, — показывает Касаткин на распотрошённую папку. — У вас срочное что-нибудь?..

— Ничего, ничего, — перебивает Иван Ермилович. — Присаживайтесь, мы скоро кончим, тогда потолкуете. Садитесь сюда!

Посетитель, сняв кепку, усаживается у стены, а Касаткин продолжает ворошить бумаги и наконец восклицает обрадованно:

— Ага! Вот, кажется, то, что надо: «Лучшие скоростники завода «Луч» награждены почётными грамотами... в их числе токари Бочкарёв, Сахаров, Донцев, Кузьмина и другие. Все они работают на скоростях от 300 до 350 метров в минуту».

— И это всё? — спрашивает Иван Ермилович, пожимая плечами.

— Всё, — с сожалением отвечает Касаткин.

— Поздравляю с примерчиками! О скоростниках поэмы пишут, а ты: «...в том числе и другие». Ну вот, хотя бы Бочкарёв, Сахаров, как зовут их? Молодые ребята это или старые кадровики? Как освоили высокую скорость? Об этом надо же сказать!..

— Надо-то надо... — мнётся Касаткин. — Подождите-ка, Иван Ермилович, о Бочкарёве ведь недавно в районной газете писали! Точно! Найти газету — вот и пример. Там узнаем, молодой он или старый... Наверное, уж не юноша: почётной грамотой награждён.

— Извините, что вмешиваюсь, — вдруг вступает в разговор посетитель, до сих пор молча сидевший с кепкой на коленях. — Скорость у вас там неправильно записана...

Касаткин удивлённо оборачивается к посетителю и встречается с прямым взглядом его живых тёмных глаз.

— Ну, уж это позвольте!.. — вспыхивает он. — Я эту цифру не с потолка взял, справку сам директор завода подписал.

Молодой человек приглаживает рукой непокорные волосы, поднявшиеся петушиным гребнем.

— Недели две назад скорость действительно была такая, а теперь её перешагнули, — мягко возражает он. — Я применил резцы с особой заточкой...

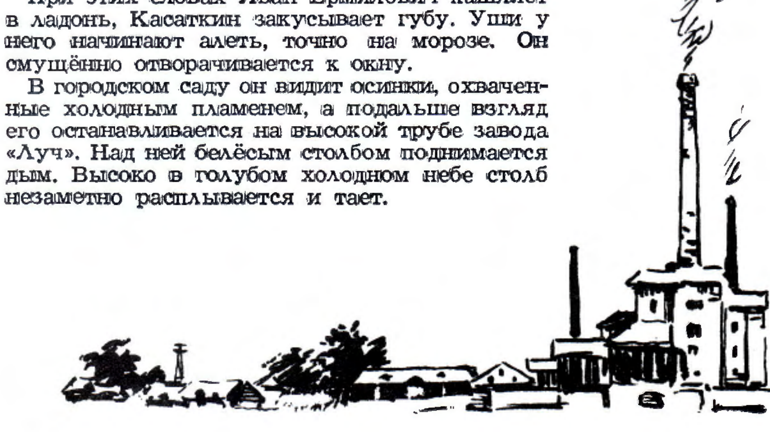
— Постойте! При чём тут «я применил»? — не понимает Касаткин.

Молодой человек принимается теребить кепку.

— Видите ли... я и есть Бочкарёв с «Луча»... Пришёл посоветоваться с вами по одному вопросу.

При этих словах Иван Ермилович кашляет в ладонь, Касаткин закусывает губу. Уши у него начинают алеть, точно на морозе. Он смущённо отворачивается к окну.

В городском саду он видит осинки, охваченные холодным пламенем, а подальше взгляд его останавливается на высокой трубе завода «Луч». Над ней белёсым столбом поднимается дым. Высоко в голубом холодном небе столб незаметно расплывается и тает.

Памятник легкомыслию

Поезд мчался по полям и перелескам Кировской области. Под ритмичный перестук колёс пассажиры вели бесконечный путевой разговор, рассказывали всякие были и небылицы.

— Да, вот на этой поляне и стали складывать пиломатериалы,— заканчивал своё повествование очередной рассказчик. — А когда снова снег растаял, увидели, что не поляна это, а озеро. Тысячные убытки получились. А ведь стоило раньше копнуть — и увидели бы лёд!.. Легкомыслие!..

Мимо окна вагона проплыла станция Шалегово. Пассажиры умолкли, посмотрели на мелькающие мимо станционные постройки, проводили взглядом уходящую в сторону новую железнодорожную ветку и продолжали беседу.

— Куда ведёт эта ветка? — задумчиво спросил один. — Я проезжал тут два года назад, её ещё не было.

— Эта ветка ведёт в никуда,— ответил другой. — Монументальный памятник длиной в двенадцать километров, посвящённый легкомыслию... Весьма любопытная история!

...Ещё летом 1940 года по этим местам с рюкзаком за плечами бродила молодой геолог Макарова, только что окончившая институт. Она слушала лирические трели соловьёв, постукивание дятлов, кукование, раздававшееся в лесах Заволжья, и страстно мечтала об открытии полезных ископаемых. Однако ископаемых ни в лесах, ни в оврагах, ни в широких поймах рек не было видно. Утомлённая бесплодными поисками, начинающая исследовательница искупалась в прохладных водах Вятки и прилегла отдохнуть на прибрежном песочке. Песок оказался крупнозернистым.

«Это же балласт для путевого строительства!» — вдруг осенило молодого геолога. Уж очень ей хотелось что-нибудь открыть!

Захватив с собой горсть песку, она поспешила в управление Горьковской железной дороги и составила там документ об открытии огромного месторождения балласта. Размеры залежей были определены в полмиллиона кубометров. Почему полмиллиона, а не больше или меньше, осталось неизвестным.

Документ пролежал в управлении десять лет. О нём давно забыли и не вспомнили бы вовсе, если б дорога не стала испытывать нехватки балласта, добываемого в старых, истощённых карьерах. Начальник дорожной конторы балластных карьеров Буйнаков напомнил о замечательном открытии заместителю начальника Горьковской дороги Черняеву.

— Вести железную дорогу к балласту! Немедленно заключить договор на строительство ветки! — скомандовал Черняев.

— Проверить бы надо... — с сомнением в голосе, робко заметили сотрудники управления дороги. — А вдруг там балласта — кот наплакал?

Зимой Черняев лично выехал на проверку. Он прибыл на пляж, где когда-то загорала первооткрывательница балласта, посмотрел на закованное льдом русло Вятки, полюбовался опушённым инеем кустарником, разбросал ногой слой снега и взял на пробу горсть грунта. Песок был крупнозернистым, и это рассеяло все сомнения.

Работы по сооружению железнодорожной ветки велись полным ходом. В нынешнем году они были завершены. Строители уложили последние рельсы возле памятного пляжа, искупались в прохладных водах Вятки и принялись искать балласт. Однако, кроме нескольких кубометров намытого крупнозернистого песка, имевшегося на пляже, ничего похожего на балласт не нашли. Искали на поверхности, исходили окрестности на много километров вокруг, рыли глубокие колодцы, но тщетно. Балласта в этих краях никогда не было.

Легкомыслие начинающего геолога Макаровой и умудрённого опытом заместителя начальника дороги Черняева обошлось государству в два с половиной миллиона рублей...

Рассказчик умолк. На внимательных лицах слушателей появились недоверчивые улыбки. Послышались реплики:

— Это вы уж слишком, переборщили! Сочинили историю наподобие старой сказки, как корову на баню тащили...

— Не верите?

— Конечно, нет!

— Проверьте через начальника Горьковской дороги или в Министерстве путей сообщения. Проверьте и убедитесь. И узнайте, кстати, как предполагается отметить «заслуги» инициаторов строительства бесполезной ветки. Это до сих пор никому не известно.

Л. ИВАНОВ

г. Киров.

Г. ФИЛАНОВСКИЙ

ДАЛЬНОВИДНЫЙ ПЕТРОВ

Петров (он в главке занимает
пост высокий)
Дела в короткие решает сроки.
— Чтоб не забыть, Людмила
Алексевна,
Позвоним на второй завод,
Пускай директор к нам зайдёт,
И я,— Петров добавил гневно,—
И я ему мораль прочту!
— Как? Он ведь со своим заводом
У нас не на плохом счету,
Завод всё краше с каждым годом.
Мы ставим всем его в пример!
— Бывает всякое на свете,
Вдруг что-нибудь случись,
так мы в ответе.
И вот тогда никто нам не заметит,
Что мы не принимали мер!

* * *

Иной Петров глядит на горизонт,
Хоть тучи нет, он...
раскрывает зонт.

г. Киев.

На складах Владимирского тракторного завода лежит без движения ценное оборудование.

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Вот, пишут, техника движется вперёд! А у нас она как стояла на месте, так и стоит...

ФАЛЬШИВЫЙ БЛАНК

Взглянув на эту фотографию, не в меру восторженный психолог воскликнет:

— Какое открытое лицо! Какой ясный взгляд! Заметьте характерную деталь: ворот рубашки распахнут. Это симптоматично! Сразу видать: широкая натура, душа нараспашку!

Не верьте такому психологу! И ясный взгляд и душа нараспашку — всё это бутафория. Перед вами человек, в совершенстве овладевший искусством камуфляжа, искусством маскировки.

Распознать поддельный документ или фальшивый бланк при известном желании и некоторой доле бдительности не так уж трудно. При желании и бдительности можно разобраться и в том фальшивом Бланке, которого зовут Семёном Георгиевичем.

Бланк — хирург. Но прославился он операциями совсем иного рода.

В подольской больнице он расхищал продукты, предназначенные для больных, в ананьевской — и продукты и медикаменты. Расширяя круг операций (коммерческих, понятно), он выгодно продавал на сторону медикаменты и открыл торговлю фальшивыми справками для симулянтов.

В Подольске он орудовал в 1943, военном году. Его следовало судить по законам военного времени. Но комиссия Московского областного здравотдела только сняла его с работы. Сняла тихо, без всякого шума, без суда.

В Ананьеве его грудь неожиданно украсилась орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». Откуда взял он эти высокие награды? Украл! Украл у раненых, лечившихся в больнице. Бланк считал, что цель оправдывает любые средства. А цель его была проста: освободиться от подоходного налога.

От налога он освободился, но суда не избежал. Его судили за спекуляцию медикаментами, за взяточничество, за незаконное ношение орденов.

Его исключили из кандидатов партии. По приговору суда, он должен был провести три года в тюрьме. Ему запретили в течение пяти лет занимать административные должности. Но не прошло двух месяцев, и Бланк, как ни в чём не бывало, объявился главным врачом и заведующим хирургическим отделением больницы в Старом Осколе. Правда, и оттуда пришлось удрать: обнаружилось, что этот добрый семьянин скрывается от уплаты алиментов по исполнительным листам сразу двум жёнам!

Но и на новом месте, в Молдавии, он действовал по-старому. Подобно уездному лекарю Ивану Петровичу, описанному Щедриным, он считал, что «...никакого дела, будь оно самой святой пасхи святее, не следует делать даром: хоть гривенник, а слупи, руки не порти». Бланк ничего даром не делал, руки не портил.

Не брезгуя ничем, он в Ананьеве брал и мёд, и сало, и буханку хлеба, и литр вина. В Молдавии, в Братушанах, он предпочитал брать деньгами. Но если не было денег, брал хомутами, коврами, посудой, запасными частями к мотоциклу, который вскоре был сменён на легковую машину.

Однако вливания мелкими дозами никак не удовлетворяли его ненасытную натуру. Он затеял ремонт больницы и «заработал» на нём 9 тысяч рублей. Эта операция пришлась ему очень по вкусу. Как впоследствии выяснилось, он разбазарил и расхитил в Братушанах 53 700 рублей.

Врачи-хирурги, как известно, перед каждой операцией тщательно моют руки. Хирург Бланк сначала совершал свои операции, а затем умывал руки. И всё ему сходило с рук.

Аккуратный, гладко выбритый, строгий и требовательный с младшим персоналом, вежливый и обходительный с властями, главный врач районной больницы производил исключительно благоприятное впечатление. За ним быстро упрочилась репутация человека с открытой душой.

Мудрено ли, что и районные власти души не чаяли в Семёне Георгиевиче? Второй секретарь райкома Матвей Александрович Виноградов, председатель райисполкома Василий Филиппович Семёнов и военком района Фёдор Иванович Панков слов не находили, чтобы превознести его заслуги как врача и гражданина. Они, не задумываясь, рекомендовали его в кандидаты партии.

О своих ананьевских неприятностях, о своей судимости и о том, что он уже исключался из рядов партии, Бланк предусмотрительно умолчал. Да разве этим кто-нибудь интересовался?

Когда в районе стали открыто поговаривать о преступлениях «человека с душой нараспашку» и писать на него жалобы, председатель райисполкома Семёнов, тот самый, что рекомендовал его в кандидаты партии, районный прокурор Толстов и начальник районной милиции Медведев не дали жалобам хода. После этого министр здравоохранения Молдавии тов. Хомутов перевёл предприимчивого хирурга в другой район, Каларашский, и доверил ему более крупную больницу.

Здесь Бланк остался верен старому принципу: охочая птичка свой зобок набивает. В Калараше был повторен вполне оправдавший себя братушанский эксперимент с ремонтом больницы. С помощью «мёртвых душ», фиктивных ведомостей и приписок эта охочая птичка в тесной компании с прорабом, завхозом, бухгалтером и кассиром расхитила 44 919 рублей.

Не подумайте, что Бланк забросил врачевание. Ничего подобного! Накопленный им опыт позволил и в Калараше систематически подменять дефицитные медикаменты другими, дешёвыми препаратами. От такой подмены больным был один вред. Зато доктор оставался при барышах!

Когда истёк кандидатский стаж, друзья по Братушанам — второй секретарь райкома Матвей Александрович Виноградов, заведующие отделами райкома Иван Ефимович Купцов и Николай Петрович Михайлов — дружно сошлись на том, что Бланк достоин быть членом партии. Легко и беззаботно подписали они рекомендации.

Рядовые коммунисты выступили с отводом. Но на помощь снова пришли братушанские друзья: из райкома партии и районной прокуратуры письменно удостоверили, будто их подопечный ничем не скомпрометирован.

Но фальшивое никогда не бывает прочным. Республиканская газета в конце концов сорвала с ловкача маску. С тех пор прошло более семи месяцев, но газета до сих пор не сообщила читателям о судьбе Бланка и его покровителей.

В чём же дело? Оказывается, пока руководители Каларашского райкома вели оживлённую дискуссию о том, с кем они имеют дело — с настоящим или фальшивым Бланком,— герой этой дискуссии не растерялся. Погрузив всё имущество на машину, не сдав больницу, он на рассвете бежал из Калараша.

На сей раз ему не повезло: его задержали. При нём обнаружили незаполненные бланки со штампами и печатями, трудовую книжку с лишним оттиском круглой печати, где оставалось лишь указать, что он покинул каларашскую больницу чистый и непорочный.

Беглеца задержали, но прокурор Жирко и начальник милиции Хименко распорядились освободить его... за отсутствием данных для привлечения к уголовной ответственности. Тогда он поспешил вовсе скрыться из виду.

...Конечно, распознать фальшивый бланк или поддельный документ несколько проще, чем разобраться в фальшивом Бланке, у которого и душа нараспашку, и лицо открытое, и ясный взгляд. Добродетельная наружность фальшивого Бланка — ещё один его порок. Но и этот порок разоблачить не так уж трудно. Было бы желание и хоть немного бдительности.

Вот почему нас в данном случае интересует не только фальшивый Бланк. О нём вопрос ясен. Нас больше тревожат его вольные и невольные покровители. Они, наверное, успели позабыть эту малопривлекательную историю и на словах, должно быть, попрежнему ратуют за бдительность и законность. Заслушавшись их речей, иной не в меру восторженный психолог воскликнет:

— Какие принципиальные люди!

Не верьте этому психологу! Речи о бдительности в устах ротозеев звучат кощунственно и фальшиво.

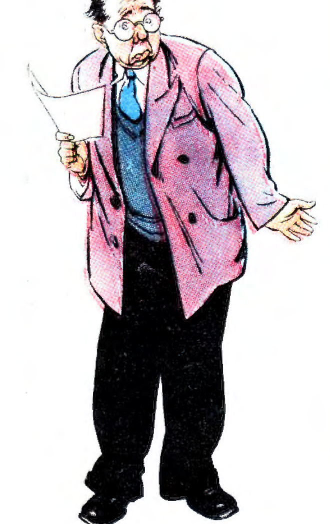
Е. ВЕСЕНИН

ЗАТРУДНИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Рис. Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Начальник сказал: выступайте с критикой как угодно... А как ему угодно, не сказал.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПАРАД

ЕСЛИ БЫ Мстислав Всеволодович Виноградов был преподавателем музыкальной грамоты, а мальчик Митя Блюм его учеником, не избежать бы им крупных споров. В таком примерно роде:

— Опять вы, Митя, всё в диктанте напутали!

— Я? Что вы, Мстислав Всеволодович! Где?

— Вот тут! И тут. И ещё там... «Ля» вместо «соль», «соль» вместо «ми», «ми» вместо «ре»...

— Только и всего? Да какие же это ошибки! Это я всё нарочно по-своему переложил: мне кажется, так красивей!

— Ну, знаете, всего я ожидал, но не этого! Понимаю, что у вас есть самолюбие. Учитываю, что признавать ошибки невесело. Но неужели вам не стыдно так врать и изворачиваться! Опомнитесь!..

Опомнился бы Митя? Непохоже. А Мстислав Всеволодович занят, к сожалению, несколько иной деятельностью. Музыкальной грамоты он лично не преподаёт. И всё же, позвольте, дорогой читатель, пригласить вас в класс.

Вообразите картинку: за роялем сидит преподаватель. На пюпитре сборник музыкальных диктантов. Нотные тетради учеников раскрыты, карандаши на изготовку.

— Я проиграю вам,— говорит преподаватель,— несколько тактов из произведения Петра Ильича Чайковского. Прослушайте и запишите.

Из-под пальцев педагога льются дивные звуки. Вдруг... Что это? Даже не очень искушённые в музыке мальчики и девочки чувствуют, что последние два такта звучат нескладно. И преподаватель, протерев для верности очки, снова вглядывается в ноты...

— Знаете что, ребята? Вы это пока не записывайте. Вот прослушайте-ка лучше отрывок из украинской песни.

Но и украинской песне на сей раз не везёт: в её плавную мелодию врывается явно посторонний звук. Возникает новая заминка. А потом ещё и ещё: ошибок в изданных Музгизом «Диктантах для детских музыкальных школ» хватает...

Тут налицо едва ли не все возможные варианты музыкального вранья. Не в своём виде представляются школьникам произведения Чайковского и Римского-Корсакова, украинские и чешские народные песни. Мелодия Спендиарова вдруг приписывается Ипполитову-Иванову. Исчезают ноты, принадлежащие авторам, и появляются неведомо откуда совершенно посторонние бемоли... В общей сложности сорок музыкальных вольностей.

А в оригинальном приложении к сборнику скромно отмечены лишь четыре опечатки! Да ещё, между прочим, рекомендуется вместо слов «Составила М. Н. Антошина» читать на титульном листе:

«Составила М. Н. Антошина при участии А. А. Никитиной, Б. В. Горизонтовой, Е. В. Головиной и А. М. Алексеевой».

Как же это так получилось? Попавшая, сами понимаете, в очень неловкое положение составительница утверждает, что все товарищи по работе были названы в изъятом редакцией без её ведома предисловии. Она жалуется, что ей не были показаны ни корректурные листы, ни вёрстка, что, расставшись с рукописью, она вновь увидела свой труд уже напечатанным. И в каком виде!..

— Вы протестовали?

— Разумеется! И потребовала исправления всех ошибок. И предупредила, что без этого работа не может быть выпущена. Но редактор сборника Дмитрий Александрович Блюм...

Невероятно, но факт: редактор Музгиза Дмитрий Александрович Блюм держится совсем как заупрямившийся школьник Митя. И спорит:

— Какие же это ошибки! Это переложения для учебных целей. Мне кажется, так удобнее...

Когда об этом узнал один из виднейших советских музыкантов, композитор Д. Д. Шостакович, изумлению его не было границ. И он сформулировал свои впечатления коротко, но ясно:

— Не переложения, а искажения! Не учебник, а брак!

— А вы какого мнения? — спросили мы заведующего педагогической редакцией Музгиза Мстислава Всеволодовича Виноградова. И он ответил весьма неопределённо:

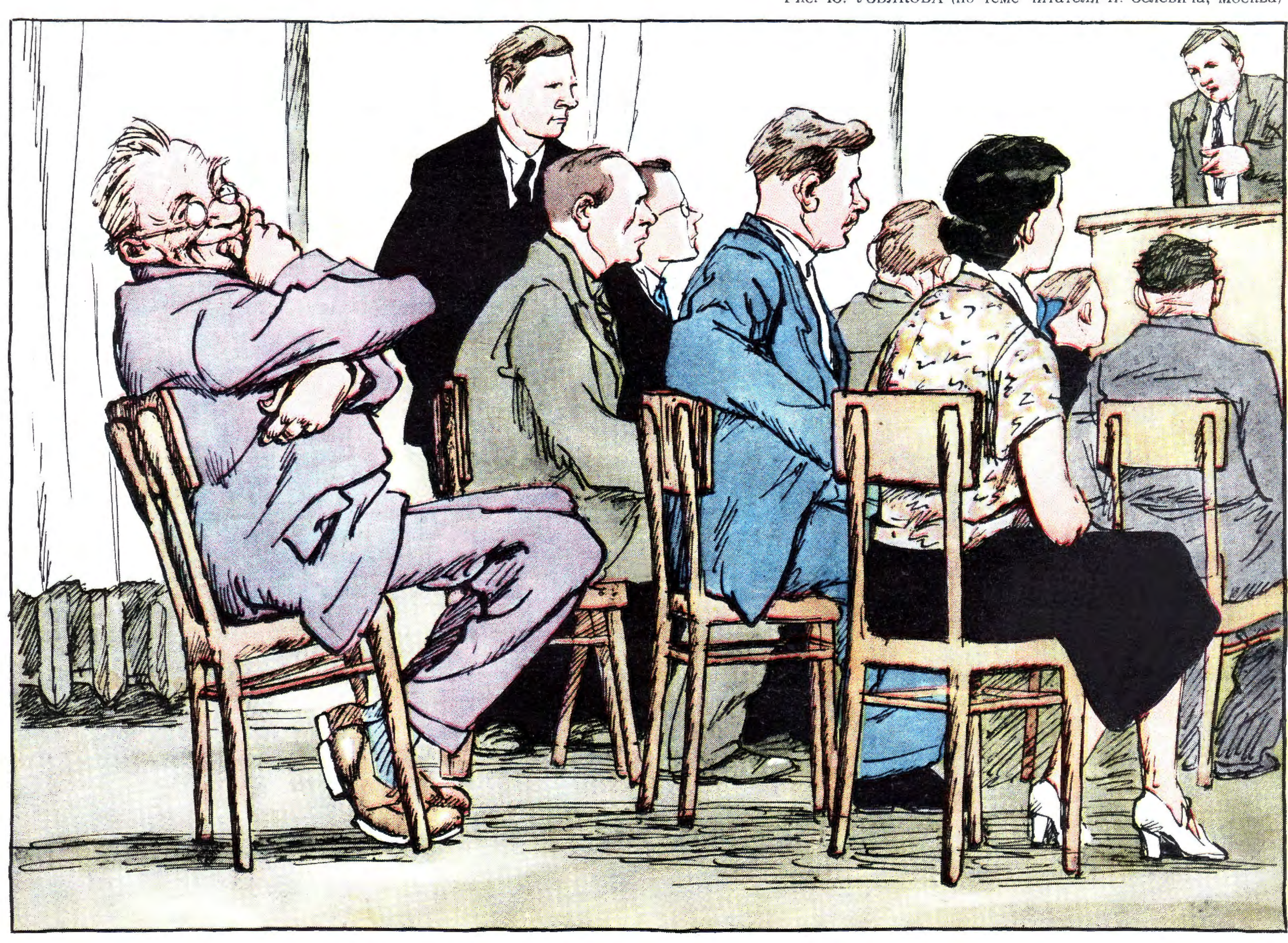
— Да ведь как вам сказать... Кое-что тут Дмитрий Александрович, должно быть, упустил. Но вы себе представляете, как выглядел бы учебник с сорока поправками! Это дискредитировало бы и редакцию и издательство. А так...

Так, конечно, много спокойнее. Правда, если помножить сорок стыдливо упрятанных ошибок на пятнадцатитысячный тираж, от позора никуда не скроешься. Зато с виду полное благополучие! Музыкальный парад соблюдён по всей форме.

С. ШЕВЕЛЕВ

МОЛЧАЛЬНИК ПО РАСЧЕТУ

Рис. Ю. УЗБЯКОВА (по теме читателя П. Зелевича, Москва)

— Для общей пользы я мог бы тоже выступить с критикой, но для своей пользы я лучше помолчу!

РЕПЛИКИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

ПАПА ПИЙ: — Ой, мама!

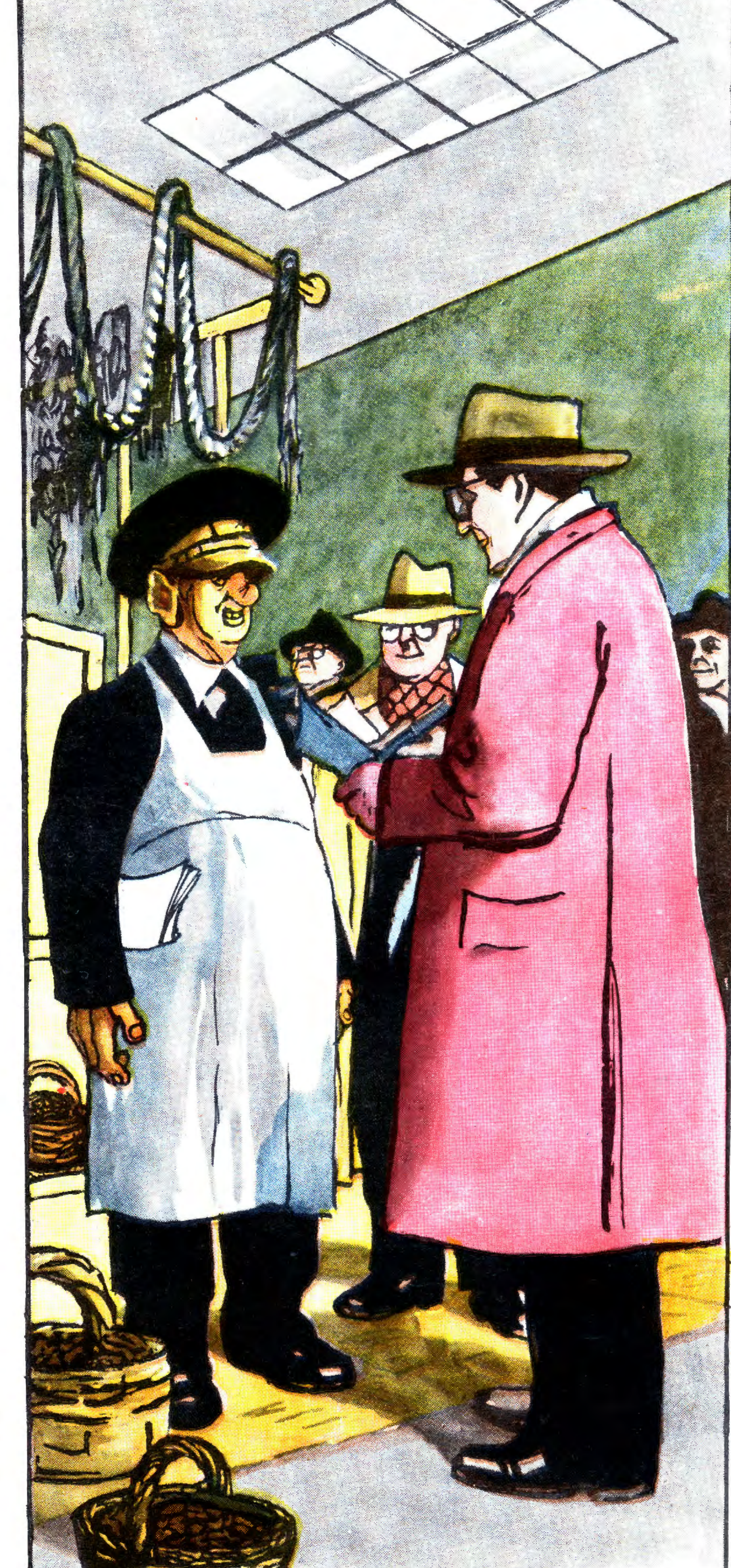
Отклики жёлтой прессы.

В ЮГОСЛАВСКОМ ПАВИЛЬОНЕ

На международной ярмарке в Вене очень убого выглядел павильон титовской Югославии. Если в соседнем, чехословацком павильоне продавались сложнейшие станки-автоматы, легковые машины последних марок, прекрасные ткани и т. д., то в югославском — плетёные корзины, пенька, орехи и т. п.

Рис. Л. БРОДАТЫ

— Где Тито!
— Экспонируется в американском павильоне!

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИСТУП

ОДНО из многочисленных «атлантических» совещаний, то и дело происходящих в Вашингтоне, осталось не замеченным падкой на любую сенсацию американской прессой.

Совещание состоялось в мае. Его участники, прибыв из Европы в столицу США, вели себя на редкость тихо и незаметно. Их скромность была изумительна: большинство гостей жили в гостиницах под чужими фамилиями. Только после того, как совещание закончилось, репортёры пронюхали, что на нём присутствовали высшие полицейские чиновники США и ряда западноевропейских стран.

Когда-то Герцен, оценивая европейскую реакцию середины XIX века, писал: «Это было время пущего полицейского бешенства... Полицейские кондотьеры съезжались на свои вселенские соборы и тайно совещались об общих мерах международного шпионства».

Современные полицейские кондотьеры собрались в Вашингтоне. Главными запевалами явились борзые помощники начальства Федерального бюро расследований. Но было бы неправильно все лавры по созыву совещания отдавать одному мистеру Гуверу. Инициатива созыва вселенского собора полицейских ищеек исходила свыше — из недр Уолл-стрита, весьма озабоченного всё более и более шумными проявлениями недовольства и возмущения масс политикой США в западноевропейских странах.

Разве приятно было генералу от инфекции, проезжая по улицам маршаллизованных столиц, любоваться краткими, но выразительными надписями: «Генерал-чума, убирайся прочь!»?

Не доставляют удовольствия многочисленные забастовки докеров, не желающих прикасаться к военным грузам. А массовые бойкоты голливудской дребедени? А демонстрации безработных? А выступления Хьюлетта Джонсона? Есть от чего придти в плохое настроение!

Западноевропейские урядники по дороге в Вашингтон полагали, что их решили вызвать для очередной накачки. Но дело оказалось куда серьёзнее. Очередной приступ полицейского бешенства закончился созданием «Европейского бюро связи полицейских служб». Во главе спешно организованной международной охранки поставлен знаток сыскных наук, видный чиновник Федерального бюро расследований Клод Толсон, а в заместители к нему определили генерала Гелена, бывшего начальника службы контрразведки гитлеровского «рейха».

Римская газета «Аванти», оценивая это известие, подчеркнула: «Таким образом, американский шпион и бывший нацист будут руководить полицией стран Атлантического пакта».

Нашпигованные инструкциями обер-филёры вернулись домой в Западную Европу и приступили к исполнению своих американских обязанностей. Французский «делегат», желая опередить своих коллег и поскорее заслужить сверхплановую подачку, сходу организовал так блестяще провалившееся «дело Дюкло».

Создавая по своему образу и подобию европейскую полицию, американские тренеры строго придерживаются своих методов подбора кадров.

Возьмём для примера Западную Германию.

Старинная мудрость гласит: «Скажи, кто твои друзья, и я скажу, кто ты».

Среди близких друзей полицей-президента Западного Берлина доктора Штумма — комиссар полиции Шредер и секретарь отдела уголовной полиции Эртвиг. Эти две светлые личности недавно арестованы за содружество с жуликами.

Шредер и Эртвиг были у Штумма, так сказать, друзьями первой категории. Ко второй категории относятся руководитель отдела по борьбе с фальшивомонетчиками Альбрехт, его помощник Унгер, руководитель отдела по борьбе с мошенничеством Хоберг, руководитель отдела по борьбе с похищениями автомашин (есть и такой отдел: всё на американский лад) Мейер. Все они арестованы за сотрудничество с преступниками.

Надо полагать, друзья доктора Штумма настолько уж «брали не по чину», что даже их шеф и покровитель не мог спасти их от расследования. Таковы друзья.

Что же касается самого доктора Штумма, то всю характеристику этого покровителя жуликов, фальшивомонетчиков и воров легко уложить в два слова — «нацист» и «спекулянт».

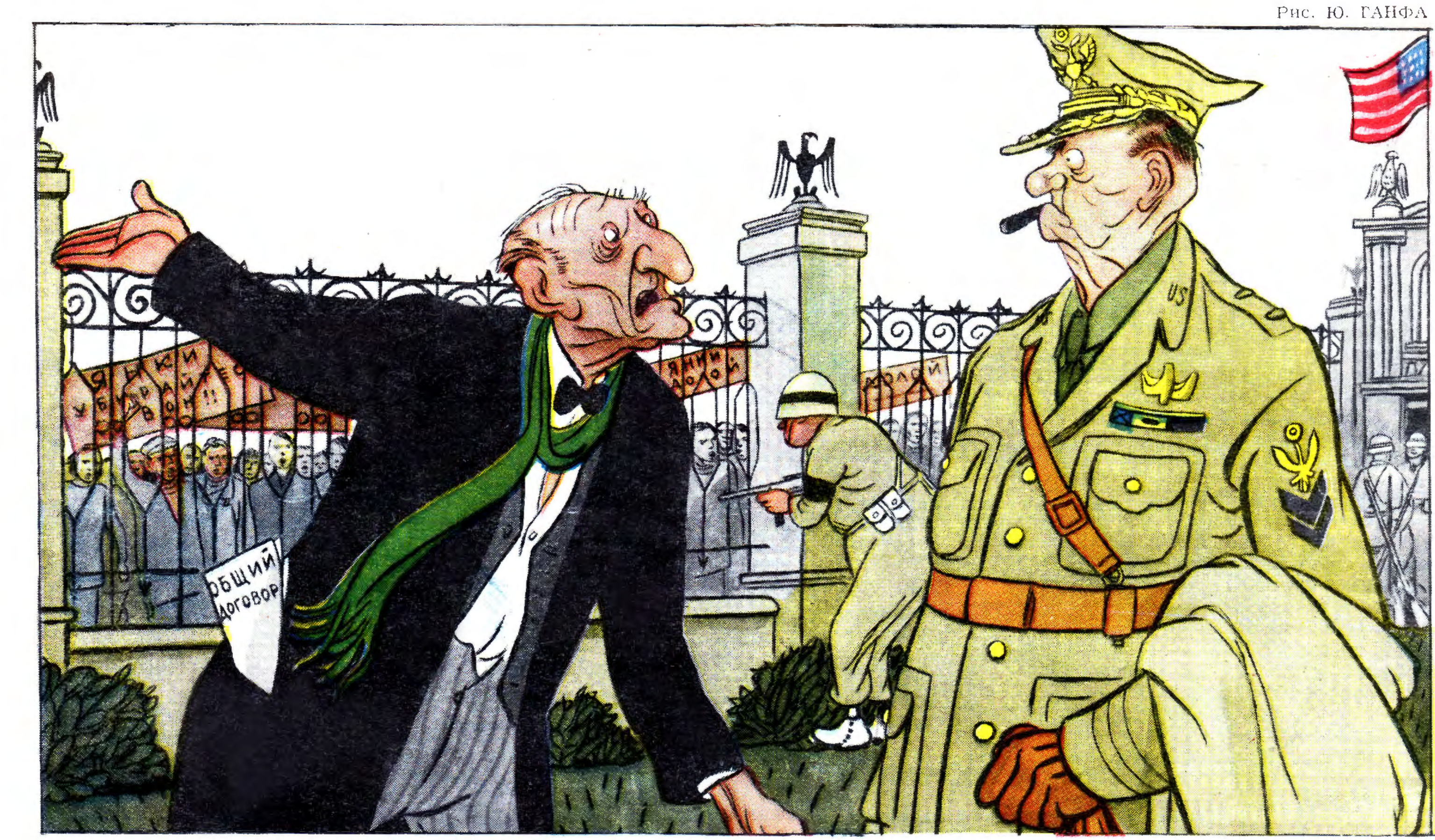
Итог деятельности Штумма и его друзей на поприще охраны порядка и законности поистине изумителен. Даже по официальному сообщению, в Западном Берлине действуют 22 тысячи преступников. Десятки убийств и сотни других преступлений остаются нераскрытыми. Ну, чем не Чикаго?

Всё это легко объяснимо. Главным американским хозяевам европейской полиции совершенно безразлично, сколько краж, грабежей и убийств происходит в Париже, Лондоне или Западном Берлине. Это, по их мнению, — чисто внутреннее дело местных властей. Деньги, инструкции, новейшее полицейское снаряжение, все очередные и сверхплановые приступы полицейского бешенства предназначены на борьбу с теми, кто всё громче и громче поднимает свой голос за мир, свободу и независимость.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

МАРШАЛЛИЗОВАННЫЙ: — Я по этому вопросу имею своё личное мнение...

Рис. Ю. ГАНФА

АДЕНАУЭР: — Что делать, господин генерал! Немецкий народ не хочет иметь ничего общего с нашим «общим договором»!

— С моим голосом никто не считается!

Богумил РЖИГА

ПЕТУХ

В КОНТОРЕ деревенского национального комитета на расшатанных стульях сидели человек пять — шесть. Из-за стола, на котором в беспорядке были навалены бумаги, озарённые вечерним солнцем, поднялся председатель.

Поглаживая подбородок, обросший колючей щетинкой, он задумчиво поглядел на восседавшего прямо против него безземельного крестьянина Зиму — человека в летах, на плечи которого давил уже шестой десяток. Зима был худой, как прут; лицо его, серое и морщинистое, напоминало ствол старой яблони. Председатель ещё раз обвёл взглядом небольшое собрание и начал:

— Итак, на повестке дня история с петухом. Поговорим насчёт того, как Зима хотел украсть кооперативного петуха.

— Чёрт бы побрал этого петуха! — вырвалось у Зимы.

— Погодите, — напомнил ему председатель, — вы будете говорить потом, а пока послушайте.

Зима опять согнулся на своём стуле и притих.

— Ну, Маржинка, рассказывай, — предложил председатель девушке, сидевшей у самого окна.

Глаза присутствующих обратились к ней. Видно было, что всем доставляет удовольствие смотреть на девушку. Щёки её горели румянцем, а в глазах светилась сама весна. Один Зима упорно не смотрел на неё. Даже глазом не повёл в её сторону.

— Как началось с этим петухом?.. Зима, значит, недели две околачивался у кооперативного птичника... Я видела, как он приманивает нашего петуха, бросает ему крупу, добивается, чтобы петух перелетел к нему через проволочную сетку. Вы ведь знаете нашего красавца? Гребень у него острый, как пила, а перья на хвосте — точно колосья в ячменном снопу...

Зима заёрзал на стуле.

— Сегодня утром я, как обычно, выпустила его во двор. Помню, пел ещё у моих ног. Куры от него ни на шаг. Прихожу в обед с поля — и что же? Нет петуха! Куры, как потерянные, обступили меня сразу и ну рассказывать наперебой... Я кругом обыскала — петуха и след простыл...

— А теперь, — прервал её председатель, — пусть выскажется член кооператива Давид.

Толстый человечек, сидевший на заднем стуле, охотно рассказал:

— Копаюсь это я сегодня около полудня на своём огороде... Вдруг вижу: Зима. По лицу пот в три ручья, а подмышкой мешок, и что-то в нём трепыхается...

— Это сущий чёрт, а не петух! — вставил Зима глубоким басом, дрожавшим от злобы на своенравного петуха. — Разве с ним сладишь? Хотел было уж из мешка его выпустить...

— Я и говорю: «Что это ты тащишь, Зима?» А он мне на это: «Щенка, а то порядочной собаки в доме нет». Ну, мне показалось, что для щенка это немного того... Короче говоря, я подумал, что тут что-то неладно...

— В полдень мы посовещались, — продолжал вести собрание председатель. — Как ни вертели, всё выходило, что петух у Зимы. Поэтому мы с председателем кооператива Франтишеком Бурешом отправились к нему. И на зимином дворе в курятнике нашли нашего петуха. Он там с курами гулял. Знаете, небось, клювастых зиминых кур?

— Клювастые, клювастые! — обиделся Зима. — Отродясь не видывал, чтобы курица была без клюва!..

— Видели бы вы петуха, когда он вернулся! — восхищённо перебила Маржинка. — Приосанился, ногами затопал, как гренадёр на параде! Кукареканье, словно мёд, полилось...

— Погоди, Маржинка, — прервал её председатель, — теперь очередь Зимы. Пусть скажет своё слово.

При этих словах Зима встрепенулся и принялся рассказывать:

— Мы, стало быть, с женой сначала смеялись над вашим птичником. У них там, мол, вся птица передохнет. А потом глядим: куры стали, что твои поросята, и несутся у каждого кола. Получают, видно по всему, хороший корм и уход. Примерно месяц тому назад жена и говорит: «Давай купим у них десятка три яиц под наших наседок». Но потом решила, что это обойдётся слишком дорого, и опять говорит мне: «Одолжим лучше у них петуха да пустим его на несколько дней к нашим курам». Потом она снова передумала. «Брось, — говорит, — лучше петуху несколько крупинок, — в мешок голубчика, и пустим его денька на два в наш курятник». Ну вот я и...

— Достаточно, — остановил его председатель, — остальное мы уже знаем. Вся эта история выглядит как будто довольно забавно. А вы не находите, Зима, что она имеет и свою серьёзную сторону?

— Стало быть, имеет, — неохотно согласился Зима. — Я знаю, куда вы гнёте.

— Знаете, куда я гну? И как же, по вашему мнению, мы с вами поступим?

— Ну, стало быть... По правде говоря... не знаю.

На лбу у Зимы выступили капельки пота.

— Я вам подскажу, — продолжал председатель. — Вы единственный в нашей деревне крестьянин, у которого за душой нет ничего, кроме избы, и который ещё не вступил в кооператив. А что это значит?

— К суду... к суду вы меня, пожалуй, не потянете... — сдавленным голосом проговорил Зима.

— Чепуха! — отмахнулся председатель, и в глазах его сверкнули весёлые искорки. — Просто мы дадим вам эти три десятка яиц даром. И, если хотите, примем в наш кооператив. Поняли, Зима?

Старый крестьянин зажал свои заскорузлые, искривлённые тяжёлой работой руки между костлявыми коленями и вытаращил на председателя глаза. Добрая минута прошла, пока люди увидели по его лицу, что он наконец понял.

Понял — и широко улыбнулся.

Перевод с чешского

(Из еженедельника «Литерарни новины»)

— Я присоединяюсь к голосу предыдущего оратора

Рисунки Бор. ЕФИМОВА

Наследнички

Какая-то в державе датской гниль.
(Шекспир. «Гамлет». I акт, 4-я сцена)

Какая-то в державе британской гниль. Замечается нечто вроде повреждения умов некоторых вполне почтенных обитателей острова, над которым реет флаг Британии.

Порой просто диву даёшься: до каких белых слонов дошли в своём бреду те самые титулованные английские жители, что ведут родословную от великих людей Англии, прославивших в былое время свою родину высокими проявлениями творческой мысли и душевного благородства, великими приращениями наук и искусств!

Полтора года тому назад Крокодил имел неудовольствие рассказать своим читателям о том, как в нынешней Англии втаптывают в грязь имя Шекспира. Пачкуны, именующие себя историками литературы, обвинили гениального драматурга в том, что он якобы выполнял поручения по шпионской части и за сие получал из королевского кошелька некоторую толику шиллингов. Заодно они обозвали Бернса «пьяным гулякой», а Байрона — «коварным обольстителем».

Современные бумагомараки хотят подобного рода гнусностями низвести гения до своего уровня, как бы сказать о нём:

— Шекспир? Да он был не лучше нашего брата...

Они бессовестно лгут, эти вурдалаки, оскверняющие гробницы гениев прикосновением своих лап.

Они клевещут на Шекспира потому, что в созданных им типах предателей, плутов, растлителей видят самих себя. Они против Шекспира потому, что бессмертное слово гения английской нации направлено и против современных Шейлоков, Яго, леди Макбет и иже с ними.

Окололитературные британские торгаши действуют заодно с «литературоведами». Они специализируются на купле, продаже и перепродаже чудом уцелевшего имущества великих людей Англии. Не так давно, например, был продан с молотка дом, в котором жил и писал Чарльз Диккенс.

Власти предержащие не пожелали, чтобы этот дом стал достоянием народа, читающего и любящего автора «Оливера Твиста», «Холодного дома» и «Давида Копперфильда». Муниципалитет Лондона не превратил дом Диккенса в музей, а запродал его какому-то денежному тузу.

Воскресни Шекспир, он, конечно, выступил бы на этом низком аукционе. Он сказал бы словами Гамлета:

— Какая грязь! И всё осквернено,
Как в цветнике, поросшем сплошь
бурьяном!

Советский поэт С. Маршак выразил и наши чувства и, несомненно, чувства многих простых и честных англичан, откликнувшись на прискорбное происшествие такими словами:

Будь этот дом в стране труда,
А не в столице лейбористов,
Его бы, право, никогда
Не описал судебный пристав.
В музей он был бы превращён,
Очищен от столетней пыли.
Туда бы школьники ходили
По воскресеньям на поклон.

Теперь старые классики полностью, так сказать, утилизированы. Взять с них нечего. Взоры некоторых руководящих британских деятелей обратились поэтому на наследство недавно умершего писателя Бернарда Шоу.

Под нажимом янки Англия тратит на «оборону» колоссальные средства. Куда уж тут до литературы! И вот министр финансов Батлер открыл кампанию сбора средств в фонд памяти Шоу. По расчётам министра, фонд должен был составить 250 тысяч фунтов стерлингов. На эти деньги намечалось превратить дом покойного в музей.

Таким образом, Батлер дал понять, что британская казна в точности похожа на церковь в бедном приходе, в которой нечем поживиться голодной церковной крысе. Но не только в этом дело. Воззвание министра финансов было обнародовано в ноябре прошлого года. А в августе текущего года агентство Рейтер мимоходом сообщило, что фонд памяти Шоу не будет создан. И председатель организационного комитета Айвор Браун сокрушённо признался:

— Не собрано даже одной тысячи фунтов...

Организаторам сбора не удалось сорвать с титулованной публики необходимые средства. Зато сама титулованная публика пытается поправить свои дела с помощью великих мертвецов.

Живёт, например, в Англии некая леди Астор. Никакого вклада в интеллектуальную жизнь страны она не внесла. Языком, однако, владеет. Любит выступать в аристократическом кругу. Болтает на банкетах. Примазывается к знаменитостям. При жизни Шоу пыталась обратить писателя в свою веру. А вера у леди Астор довольно банальная. Коммунисты, по этой вере, суть дети сатаны, и если бы покойный драматург не выражал своих симпатий коммунистам и советскому народу, он, конечно, проник бы в царствие небесное, которому несть конца. Одним словом, ничего выдающегося.

Из этой злой старухи, столь похожей на великосветских ведьм, образы коих блестяще рисовал Диккенс, давно сыплется песок. Но, проповедуя небесное блаженство, она почему-то цепляется за блага земные.

Ей, видите ли, не нравится завещание Шоу. Дело в том, что писатель значительную часть своих средств завещал употребить на борьбу за введение упрощённого алфавита. Однако леди Астор находит эту идею вредной. Она полагает, что в Англии ничто и ни в коем случае не должно изменяться. Кроме того она не видит для себя выгоды в каком-то упрощённом алфавите. На митинге писателей, артистов и политических деятелей, собравшихся отметить обедом посмертный фонд Шоу, леди Астор потребовала нарушить волю покойного. Старушка, забыв правила английского хорошего тона, назвала завещание «безобразным». Она даже предложила организовать «общество по борьбе за ликвидацию этого завещания». Она предалась воспоминаниям:

— Я много раз приходила к Шоу, чтобы спорить с ним о разумности такого завещания...

При этом старуха кружевным платком смахнула набежавшую слезу и обратилась к обществу с горькой жалобой на неблагодарность великого человека, в наперсницы которого она лезла при его жизни:

— Я говорила ему: оставь деньги мне, и все будущие поколения будут говорить: вот женщина, которую он любил...

Глумление над именем Шекспира, продажа с молотка имущества Диккенса, кощунственные речи в адрес Шоу — так чтит официальная Англия великих сынов английской нации.

Впрочем, кощунственными речами дело не кончилось. На этих днях корреспондент агентства Рейтер скороговоркой поведал миру, что дом Бернарда Шоу «будет сдан в аренду, как обычный дом», и злорадно добавил: «Однако будет нелегко найти арендатора, который согласился бы жить в доме великого человека».

Да! Едва ли найдётся честный англичанин, который согласится жить в доме, осквернённом могильщиками национальной культуры!

Неужели оскудел британский остров литературными талантами? Шекспира бы на джентльменов, сплавляющих за океан национальное достояние! Диккенса бы на эту гнусную старушенцию Астор!

И. РЯБОВ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

— Русские опубликовали проект директив съезда по пятилетнему плану, проект изменённого Устава партии... Что делать! Замолчать!

Тэд ТИНСЛИ

ОБМЕН ЗАБОТАМИ

Я ПИШУ эти строки в разгар «недели борьбы с психическими заболеваниями». В течение этой недели американский капитализм неумело извиняется за то, что, доведя до сумасшествия множество людей в прошлом году, готовится довести до этого ещё больше людей в текущем. Предлагаются разные способы, как избегнуть психического заболевания.

Телевизионные станции вносят свой вклад в это дело, показывая успокоительные театральные постановки. Например, демонстрируется пьеска под названием «Я убил Чарли Смита железным крюком». Кульминационной в пьеске является сцена, когда убийца сидит на трупе и пьёт чай с печеньем.

Лица, финансирующие эту «неделю», предоставляют своим подданным широкую возможность высказаться. Так, журналист Хол Бойл в статье под заголовком «Как остаться нормальным человеком» объявляет:

«Мы уже имели в своё время программы разделения труда и раздела богатств. В чём мы действительно нуждаемся? В хорошей всеамериканской программе: как и с кем делиться своими заботами. Люди, которые не желают поделиться своими личными заботами с соседями или друзьями, возможно, поделятся ими с посторонними людьми».

Эврика, так сказать!

Значит, по мнению Бойла и тех, кто выплачивает ему гонорары, требование бесплатной медицинской помощи — весьма плохая вещь. Антиамериканским является также требование общественной собственности на средства производства. А вот «программа взаимного обмена заботами», на самом деле означающая нечто вроде обобществления психических болезней, — это, по Бойлу, хорошо.

Впрочем, я не думаю, что такая программа реальна. Допустим, я звоню вам по телефону и говорю: «Зайдите сегодня вечером ко мне, и мы поделимся нашими заботами. Не забудьте взять с собой поесть». Вы приходите ко мне. Мы садимся и делимся нашими заботами. Я привожу вам семь моих забот, а вы приводите мне семь своих забот. Мы расстаёмся, однако, каждый со своими заботами.

Предположим теперь, что я имею девять забот против ваших семи. Почему же я должен наградить вас двумя лишними заботами?

Что касается обмена заботами с посторонними, то это предложение тоже связано со многими трудностями. Например, я хочу поделиться своими заботами с нашим президентом. Я говорю ему: «Гарри, я обеспокоен тем, что не будет заключено перемирие в Корее». Он же отвечает: «Тэд, я озабочен, что перемирие будет заключено».

Словом, из «программы обмена заботами» определённо ничего не выйдет.

Из американской газеты «Дейли уоркер».

Рис. Б. ПРОРОКОВА

— Янки, убирайтесь вон!

(Из серии «Американцы в Европе»)

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА

ЛЕТО 1950 года. Воинственный дух в гармоничном сочетании с духом спиртным окутал американский городок Уэст-Пойнт. Военное училище давало традиционный выпускной бал. Свежеиспечённые офицеры заливали вином новенькие мундиры и, молодецки бряцая бокалами, шумно мечтали о бряцании оружием.

Возможность отличиться представилась очень скоро. Через несколько недель началась война в Корее, и выпускники были отправлены, так сказать, с бала на корабль. Путешествие их, повидимому, лишь весьма отдалённо напоминало увеселительную прогулку. Во всяком случае, от этого сравнения воздержался американский журнал «Лук», который недавно сообщил о судьбе уэст-пойнтских выпускников. Пятнадцать убитых, тринадцать погибших при исполнении служебных обязанностей, пятьдесят пять раненых, десять пропавших без вести — такова слезливая статистика «Лука».

Война в Корее продолжается. Продолжаются и ежегодные балы в Уэст-Пойнте. Но воинственные клики давно сменились унылым шепотком, и уже едва теплится голубой пламень традиционного пунша. Учтя это обстоятельство (вызванное, несомненно, тлетворным влиянием похоронной статистики), американское командование стало с новой энергией пропагандировать заокеанские прогулки. В одном из выступлений военный министр США Пэйс призвал «всемерно защищать добытую ценой больших жертв свободу». Он сказал: «Мы должны сохранить для себя и для наших детей те священные идеи, за которые отдали свою жизнь наши герои».

Заявления американских военнопленных свидетельствуют, что простые американцы начинают понимать истинный смысл этих идей.

«Мы хотим сохранить своих детей. Нам ненавистны «священные» идеи грабежа, разбоя и насилия!» — говорят американские матери.

Пышные фразы трубадуров корейской войны звучат всё менее убедительно. Всё менее шумным становится веселье уэст-пойнтских и других питомцев американского империализма. Возможность поставлять цифровые материалы для убойной статистики не вдохновляет молодых граждан «страны беспредельных возможностей».

С. ИВАНОВ

Э. МЕЖЕЛАЙТИС

У реки

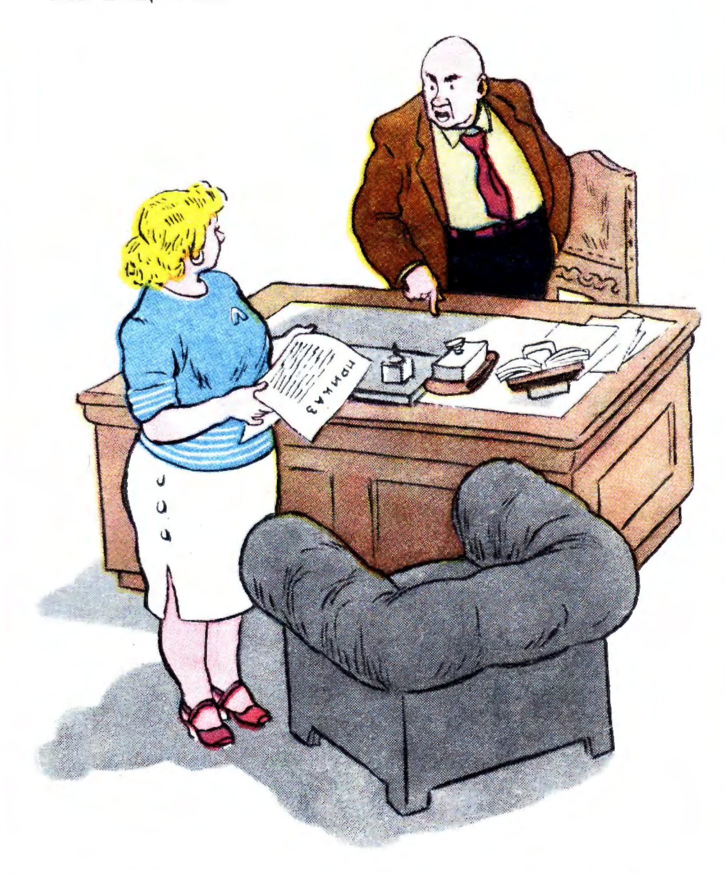
Поле слева,
поле справа,
Я — на этом,
ты — на том,
И Нерис меж нами...
Право,
Хоть бы сделали
паром...
Ты пришла
с бригадой к стаду.
Небо знойное
в огне.
Я пою тебе,
отрада...
Что ещё
осталось мне?..
Песенка дойдёт
без моста,
Без парома,
без дорог,
А иначе
я бы просто
Чувства
выразить не мог...
Ты махнула мне
рукою
И глядишь
издалека.
Право,
хочется порою,
Чтобы высохла
река,
Чтобы ты мне
руку сжала,
Чтоб кругом
цвели цветы...
Никогда в реке,
пожалуй,
Столько не было
воды...
Шумно катится,
играя...
Ну, а если так,—
пою!
И над речкой,
дорогая,
Руку чувствую
твою.
Я люблю —
и сердце радо,
И погожий день
светлей...
Для любви
мостов не надо,
Не нужны
паромы ей!

Авторизованный перевод
с литовского Андрея Кленова

КРАЙНЯЯ МЕРА

Порою нарушители трудовой дисциплины одним приказом снимаются с работы, а другим тут же восстанавливаются.

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

— Петрова с работы снять и до завтрашнего дня ни в коем случае не восстанавливать обратно!

НЕКРАСИВАЯ ОТДЕЛКА

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

— Этот дом мы почти отделали. Осталось только отделаться от него!

ПРОГОРЕВШАЯ ЗВЕЗДА

КОГДА Ваган Тонян в течение двух лет умудрился окончить экстерном вуз. и поступить в аспирантуру Ереванского университета, было возвещено:

— Ваган Тонян — будущая звезда!

Но вновь открытая «звезда» не светила, а тлела в аспирантуре, и многие стали сомневаться: а звезда ли это?

И вдруг на Ереванский университет, как блуждающий небесный камень, свалилась кандидатская диссертация Тоняна, ещё раз убедившая всех в незаурядных способностях новоиспечённого математика. Официальные оппоненты, а с ними вместе Учёный совет физико-математического факультета пришли в восторг, и Ваган Тонян стал кандидатом физико-математических наук.

Те же самые оппоненты по-настоящему оценили труд Вагана Тоняна только через три года, когда им случайно попал в руки старый математический журнал. Они наткнулись на статью, подозрительно похожую на диссертацию Тоняна. В университете поднялся шум. Счастливая «звезда» прогорела. Учёный совет возбудил ходатайство о лишении Тоняна кандидатской степени. Однако прогоревшая «звезда» не скатилась с небосклона.

Высшая аттестационная комиссия Министерства высшего образования СССР не решилась лишить Тоняна учёной степени, полученной за плагиат, и предложила проделать эту операцию Учёному совету университета, а тот, в свою очередь, считает себя неправомочным и ждёт решительных действий от Высшей аттестационной комиссии.

Пока обе высокодоговаривающиеся стороны спорят, прогоревшая «звезда» продолжает засорять чистый небосвод советской науки.

Н. ФОМИЧЕВ.

ПАЛОЧКИ-ЛОЖЕЧКИ

Доводилось ли вам, дорогой читатель, кушать деревянной палочкой сливочное мороженое? Не интересовались ли вы её происхождением, технологией производства, себестоимостью? Думали ли вы, кто руководит этой отраслью промышленности?

На всякий случай сообщаем, что производство щепочек из осины, именуемых в быту ложечками для мороженого, находится в надёжных руках треста Белфанспичпром. Крокодил решил познакомиться с деятельностью этого административно-хозяйственного организма после того, как читатели письменно запросили редакцию:

«Для чего существует трест Белфанспичпром?»

Чтобы ответить читателям на этот странный вопрос, мы выехали в Минск и в одном из ослепительно-новых зданий на Комсомольской улице нашли трест Белфанспичпром.

Здесь за новыми столами трудились молодые и пожилые сотрудники. Наш вопрос нисколько не удивил управляющего трестом И. С. Шейбака и его заместителя Н. Я. Гулева.

— Мы призваны производить и сбывать спички и фанеру, — сказал управляющий.

— Трест объединяет три предприятия, — горделиво добавил его заместитель.

Мы робко осведомились, не слишком ли накладно иметь целый трест для обслуживания трёх предприятий. Но товарищи Шейбак и Гулев авторитетно разъяснили, что дело не в количестве. Ведь чем меньше предприятий, тем выше качество руководства. Мы подивились административной мудрости Главспичпрома, в ведении которого находится Белфанспичпром. Нам страстно захотелось поскорей познакомиться с работой треста, дабы его опыт могли изучить нынешние и последующие поколения хозяйственников.

Первым поделился опытом своей работы инспектор по кадрам Г. М. Быстров:

— В области обеспечения предприятий кадрами нами проделано следующее: в июне на периферию послано два человека, в июле — два, в августе — один и в сентябре — три.

Мы осведомились, как реагировали предприятия на такой людской поток.

— Никак, — застенчиво улыбаясь, сказал Быстров. — Говоря откровенно, фабрики могли бы великолепно обойтись и без нашей помощи.

В плановом отделе треста оказались не менее откровенные люди. Они без всяких обиняков сообщили, что предприятия могут обойтись и без трестовского планирования: ведь фабрики получали одни и те же планы из Москвы (Главспичпром) и Минска (Белфанспичпром).

Но ещё больше нас поразил главный бухгалтер треста. С редкой прямотой он заявил:

— Трест нужно ликвидировать или же увеличить объём его работы.

Не успели мы оправиться от такого откровенного заявления, как узнали в отделе сбыта, что фабрики могут сбывать свою продукцию и без усилий треста.

Становилось очевидным, что нам не удастся внятно ответить читателям на их вопрос: для чего существует Белфанспичпром?

Неожиданно мужественный голос начальника производственно-технического отдела Казимира Григорьевича Бабицкого возвестил:

— Основная задача треста направлять производственно-техническую жизнь его предприятий! Знаете ли вы, что сделал отдел для предприятий?

Мы честно признались, что не знаем, и попросили дать план работы отдела.

— А за какой месяц? — поникшим голосом спросил Казимир Григорьевич.

— За сентябрь.

— К сожалению, за этот месяц дать не могу.

— Тогда за август.

— Увы, не сохранился.

— За май? Июнь? Июль?

Казимир Григорьевич грустно улыбнулся и доверительно сообщил, что как только месячный план выполняется, он немедленно и бесследно уничтожается.

— Но вы не огорчайтесь, — успокоил нас начальник отдела, — я обо всём расскажу вам своими словами!

Но из его пылкого и сбивчивого повествования нам так и не удалось понять, как руководит и руководит ли вообще отдел производственно-технической жизнью предприятий.

— Я знаю, — заявил в заключение Казимир Григорьевич, — что на областной партийной конференции выступал один стахановец с предложением ликвидировать трест как ненужную хозяйственную единицу. К таким выступлениям не следует прислушиваться.

— Почему?

— Рядовому производственнику трудно судить о работе треста.

Нам почему-то всё же захотелось потолковать именно с производственниками, к мнению которых не рекомендовал прислушиваться Казимир Григорьевич. Мы сели в поезд и поехали в город Борисов, на фанерно-спичечный комбинат. И здесь мы задали тот же вопрос:

— Нужен ли трест Белфанспичпром?

— Не нужен! — сказал первый встреченный нами производственник.

— Безусловно, не нужен! — подтвердил секретарь парткома Николай Гаврилович Шибуняев. — Ведь вся работа треста сводится к бездумному размножению директив главка.

— Пожалуй, не нужен, — сказал после длительного раздумья директор комбината Николай Ефимович Шабалин. — Нужен не трест, а небольшая оперативная группа для координаций действий трёх фабрик и технической помощи.

Мы ещё долго ходили по комбинату и всюду слышали одно и то же. И лишь в отделе снабжения нам сказали: трест помогает комбинату сбывать осиновую палочку, то есть ложечку, для мороженого.

Теперь мы твёрдо знали, что отвечать нашим читателям: Белфанспичпром существует для сбыта палочки-ложечки.

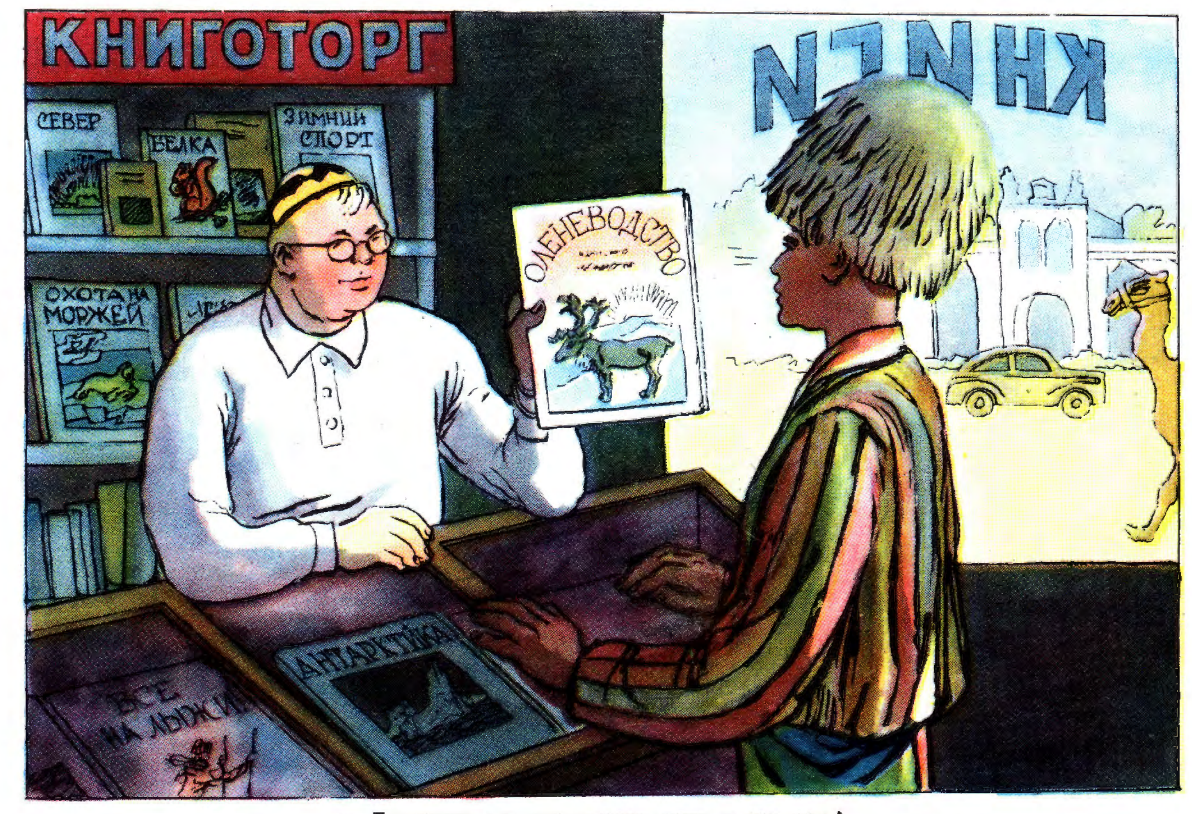
И это обходится государству в 370 тысяч рублей в год!

С. ШАТРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

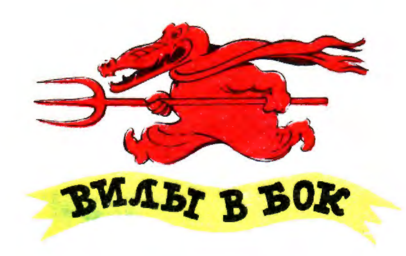
Минск — Борисов.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

Из Москвы в Караганду были присланы в больших количествах руководства... по производству шампанских вин, строительству плотов и т. д.

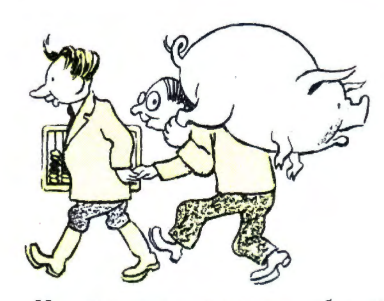

— Литература о каракулеводстве у вас есть!
— Есть. Обратитесь в наш магазин в Заполярье.

ЖИВУТ ДВА ДРУГА В КРОМАХ...

Директор Кромского райпищекомбината Б. М. Пушечников высоко ценит бухгалтера Голякова. Это очень исполнительный бухгалтер. Документы оформляет. Книги ведёт. Жалованье платит во благовремении. И, главное, никогда не теряется.

Не теряются, впрочем, оба: и директор и бухгалтер. И скрепляют их дружбу... райпищекомбинатские свиньи. Вы даже представить себе не можете, до чего это понятливые свиньи! Всё, буквально всё понимают! Не успеет ещё жена директора подумать, что, дескать, мясо на исходе, а очередная восьмипудовая хрюшка уже знает, как себя вести, и моментально «заболевает». А разве можно держать прихворнувшую свинью в стаде?!

И директор Пушечников отдаёт распоряжение: вышеуказанную свинью забить, акт, как положено, составить, а мясо... Ну, что же делать с мясом? Мясо надо распределить по сходной цене (раза в три меньше рыночной) среди желающих. В порядке поступления заявок...

А бухгалтер Голяков всё без задержки оформляет.

Свиньи, как известно, вырастают из поросят. Очень они, право слово, занятны в младенческом шестимесячном возрасте, при весе в двадцать — двадцать пять килограммов. Взглянет супруга Бориса Митрофановича Пушечникова на этакого младенца и скажет супругу:

— Дорогой мой, давай возьмём себе поросёночка! Он такой симпатичненький!

И директор для видимости что-то уплачивает за увесистого поросёночка, так, самую малость.

А чтобы поросячье стадо не иссякло, оно пополняется с рынка. Правда, тут получаются изрядные расхождения между продажной и покупной ценой. Но это — уже дело бухгалтера Голякова: он-то знает, что куда списывать.

Вообще Голяков очень многое знает. Известно ему, что деньги за свинину, проданную в марте, оприходованы только в августе. Известно, что недостачи на складе, порча продукции, пени за просрочку платежей по счетам обошлись райпищеторгу за один только год в десять тысяч рублей. К тому же директор Пушечников задолжал руководимому им комбинату около двух тысяч за квартиру, свет, радио... Да мало ли ещё о чём Голяков знает, что покрывает и чем вместе с Пушечниковым пользуется!..

Так они, два дружка, и живут. Живут-поживают, добра наживают. И всё за казённый счёт!

Н. ГОЛОВИН

пос. Кромы, Орловской области.

Рис. Е. ГОРОХОВА

— Милочка, прошу тебя по дороге на рынок забросить меня на работу, а то я опаздываю!..

САМЫЙ СЕЗОН

Директор Саратовского деревообрабатывающего комбината Дмитрий Григорьевич Синицкий собирается в отпуск. И в самом деле, пора! Погожие дни выпадают всё реже. Сердитый ветер всё чаще напоминает о том, что не расти траве после осени, не цвести цветам зимой по снегу... А также и ещё кое о чём. Каждому непогода напоминает своё.

Председателю завкома профсоюза, например, хмурый сентябрь напоминает, что в коллективный договор включались как будто какие-то пункты о подготовке к зиме. А какие, хоть убей, не припомнить!

Рабочие заготовительного цеха, конечно, не запамятовали, что речь шла о проекте тамбура, который предохранял бы их от лютых зимних сквозняков. Да что толку в неосуществлённых проектах!

Вот, скажем, главный механик Маслов хорошо как будто запомнил, как в прошлом году теплопровод небо отапливал. Помнится, и проект перестройки теплопровода был составлен и две тонны асбеста для изоляции большой трубы завезли. А куда он девался, просто ума не приложить!..

Чем пуще хмурится небо, тем более грустные воспоминания одолевают начальника строительного двора Демидова. Сколько машин поломали на исковерканных дорогах прошлой зимой! Сколько ещё машин поломается, если сейчас же к ремонту двора не приступить! Да вот беда: график ремонта до сих пор не утрясён. А без графика, сами понимаете, можно все сроки упустить.

Такого же мнения и главный инженер Чистик. Он совершенно убеждён, что если не оборудовать вентиляцию в мебельном цехе немедленно, потом поздно будет. Но знаете ли вы, как трудно выбрать окончательный вариант?

...Вы собираетесь на юг, Дмитрий Григорьевич? Торопитесь! А то как бы сезон не упустить...

Б. ЛЬВОВ

г. Саратов.

НЕБЛАГОДАРНЫЕ ОТЦЫ

«Отцы или дети?»

Над этим вопросом долго билась административная мысль тов. Швердакова, председателя Ростовского-на-Дону исполкома городского совета. Проблема «отцов и детей» возникла в горисполкоме в связи со странным вопросом: что важнее — детский сад или закусочная? После мучительных раздумий было решено, что питание отцов важнее воспитания детей. В связи с этим было вынесено решение № 914, которым детскому саду строительного управления предложено освободить занимаемое помещение, чтобы открыть в нём закусочную.

Казалось, отцы будут осчастливлены столь мудрым решением. Однако неблагодарные папаши почему-то не оценили нежной заботы горисполкома и шлют в разные инстанции протестующие письма.

Вот после этого, тов. Швердаков, и делай отцам добро! Право, лучше было бы позаботиться о детях!

Иллюстрации Ю. ФЕДОРОВА

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

ОТСТРАНИЛСЯ

Капитан парохода «Куйбышев» (Дальневосточное пароходство) тов. М. Я. Христинов очень любит писать приказы. И вот какие образчики выходят из-под его пера:

«Считаю дневальную Черкашину Елену Петровну нарушителем дисциплины. Согласно моему приказу за № 409, она не вышла на работу».

Но вершиной мудрости капитана является следующий его приказ:

«Отстранить от работы на трое суток матроса Терещенко и кочегара Шебенькова с исполнением служебных обязанностей».

Об авторе этих приказов его же стилем можно сказать:

«Отстранился от здравого смысла с исполнением служебных обязанностей».

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Частенько приходится нам вспоминать пушкинские стихи:

Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.

Ежедневно с утра до позднего вечера по улицам нашего села без присмотра носится табун в десять — пятнадцать лошадей. Лошади все упитанные, имеют игривый и даже буйный характер.

Завидя этот табун, взрослые сторонятся, а детишки с рёвом разбегаются по домам. Принадлежат лошади... районному отделению милиции.

Начальник милиции Иван Семёнович Загребов, точно Кочубей, любуется из окна своего кабинета разгулявшимся табуном.

Помоги, дорогой Крокодил, призвать к порядку... лошадей, а заодно и Ивана Семёновича Загребова, ответственного за порядок в нашем райцентре!

А. ШУРСКИЙ

с. Шугозеро,
Ленинградской области.

Товарищ Крокодил!

Совершенно правильно решил председатель нашего райисполкома тов. Теньков:

— Нечего работникам дорожного отдела сидеть в конторе! Нужно больше разъезжать по округе!

А чтобы провести в жизнь это разумное решение, выселил сотрудников из конторы и... поселился в ней сам со всеми чадами и домочадцами.

После этого, если и захочешь, в четырёх стенах не посидишь!

Пришлось дорожникам срочно искать, куда бы пристроить своё имущество. Трактор поставили в сарай к гражданину Пичугину, цемент отдали на сохранение гражданину Мыльникову, рабочий скот приютил гражданин Лямин.

Теперь, дорогой Крокодил, дорожники, проезжая мимо своей бывшей конторы, всякий раз мечтают о том дне, когда наконец смогут сказать тов. Тенькову: «Милости просим из нашего дома по хорошей дорожке!»

И. НИКОЛЕНКО

с. Вешкайма,
Ульяновской области.

Уважаемый Крокодил!

Недолго нам пришлось посидеть на полумягких стульях, которые изготовила для нас артель «Большевик»: они развалились, можно сказать, в один присест!

Председатель артели тов. Лаутин оказался более стойким, чем выпущенная под его руководством дубовая мебель. Он наотрез отказался ремонтировать стулья за счёт артели. А когда артель отремонтировала их за счёт заказчика, тов. Лаутин прочёл нам инструкцию, как пользоваться их мебелью.

Мы стали строго придерживаться преподанных нам наставлений, но это не помогло: стулья тут же снова рассыпались.

Видимо, тов. Лаутину придётся дополнить инструкцию пунктом: «Стоять от стула на приличном расстоянии и во избежание потрясений глядеть на него нежным взглядом, то есть сидеть «вприглядку».

С. ШАБАНОВ,
врач стоматологической поликлиники

г. Пятигорск.

ФОТО-витрина

ПРИМЕР, ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ

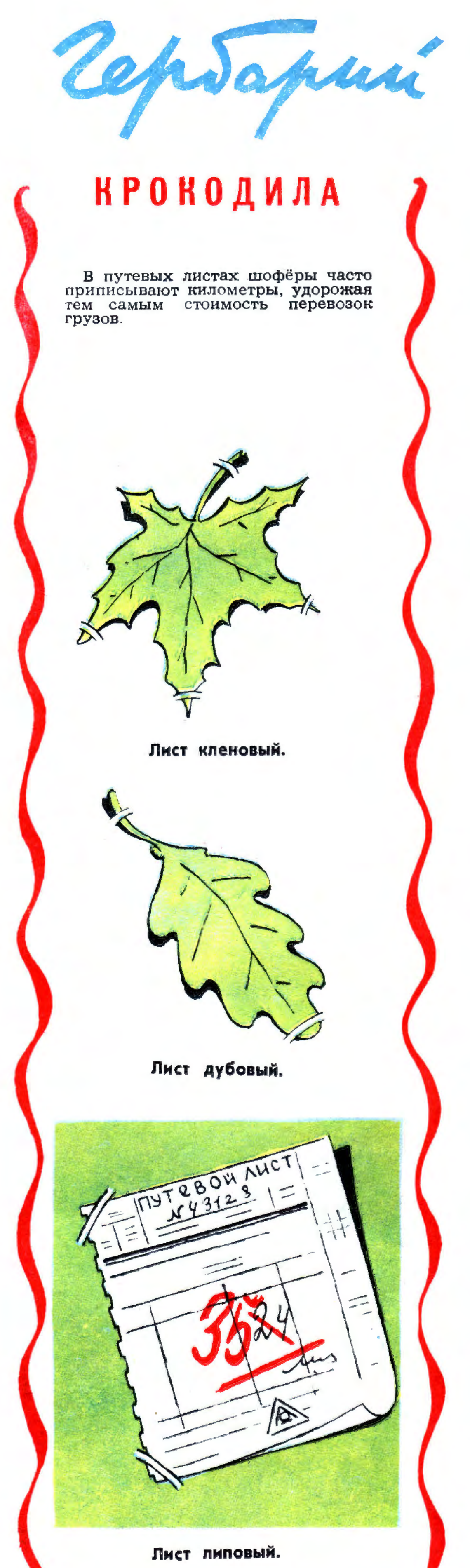
В Омском городском саду под сенью развесистых лип и могучих дубов стоит дом. Как можно судить по снимку, он представляет собой широкое поле деятельности для плотников, штукатуров и маляров. Но штукатуры и плотники не идут: их никто не зовёт.

Под бренными остатками крыши этого многострадального дома приютились кинотеатр «Победа», городской комитет по делам физкультуры и спорта, городской отдел культурно-просветительной работы, управление кинофикации по Омской области и контора городского сада. Давно поговаривают все эти обитатели дома о его ремонте, немало средств получают они для этой цели, да вот беда — никак не могут договориться, кому начать первому: каждый стремится уступить эту честь соседу.

Пока они препираются, у здания с грохотом обваливаются карнизы, осыпается штукатурка.

Как известно, Чичиков и Манилов в своё время долго препирались у дверей гостиной, кому из них первому вступить в неё. Почтенные гоголевские герои в конце концов всё же нашли выход: они протиснулись в дверь одновременно. Не последовать ли их примеру и обитателям дома в городском саду — не начать ли ремонт всем сразу?

Рис. М. ВАЙСБОРДА

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 830. Подписано к печати 3/X 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 05849. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2515. Тираж 300 000 экз.

АТЛАНТИЧЕСКОЕ СУДНО

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Зарождающийся союз США и Западной Германии становится центром тяжести Северо-атлантического союза.

Партнёры «с весом».